

ОТ СЕРДЕЧНОЙ СЛАБОСТИ

Еду деревенским просёлком. Навстречу Парасковья Петровна летит на полных парах.

Ей уж под девяносто.

– Куда летала-то? – Спрашиваю.

– Фершал повестку прислала на уколы от сердешной слабости. Вот и бегала.

– Так давай я тебя до дому доведу..

– Пустое, – отвечает. – Залезать да вылезать доле.

А деревня от медпункта в одну только сторону семь километров.

СТАРАЯ ШИНЕЛЬ

Деревенский фронтовик Василий Невзоров рассказывал как-то:

– В финскую это было. Вызывает командир. А шинелишка на мне худая была.

Осколками побита, у костра прожжена, грязная...

Командир и говорит: «Невзоров! В разведку пойдёшь, так получи на складе у старшины новую шинель. А то, не дай Бог, в такой шинели в плен попадёшь, так перед неприятелем стыдоба...».

КОМУ И ГУСЬ ТОВАРИЩ...

Гусь свинье – не товарищ, говорят. Но когда это говорили? С тех пор мир переменялся и перепутался.

У моего брата в деревне Босова, про которую ещё Некрасов писал: «А там в деревне Босова Яким Нагой живёт. Он до смерти работает – до полусмерти пьёт...» – до смерти никто не работает, но живут по нынешним временам довольно зажиточно, если не ленятся.

Вот и у брата моего небольшое, но хозяйство: пчёлки, поросята, кролики, козочка с козлятками, куры. И даже два гуся: семейная пара...

Ходит эта самодовольная парочка по двору, гусь – настоящий Нарцис, а жена – одно слово – гусыня. Причём вертихвостка. На глазах мужа клеится к дворовому сторожу Кузе, который день-деньской на цепи мается, дом охраняя.

Подойдёт гусыня к Кузе, пока муж на своё отражение в пруду любит, и так, и этак пёсика начинает прельщать: и бороду ему клювом почешет, и за ушами пощекочет, и шерстку лишнюю пощиплет...

Гусак всё видит, обиду день копит, а с утра, за ночь итоги подведя, атакует бедного Кузю. Оседлает его верхом, долбит железным клювом, шерсть по ветру пускает...

Так они верхом в будку и въедут. И там ещё драка продолжается, будка ходуном ходит. Приходится хозяину рассвирепевшего гуся вытаскивать да в холодную воду в бочку кунать...

А гусыня, чуть отвернётся муж, опять к пёсику припадает. И вот толи от огорчения, то ли по какой другой причине, помер гусак. Бедная вдова не стала горевать и тут же в будку к Кузе перебралась, поделив с ним и стол, и дом.

И началась у Кузи, холостяковавшего свой век, замечательная семейная жизнь. Ухоженный, расчёсанный, обласканный, сытый... Более того, всю охранную работу гусыня на себя взяла. Чуть кто к воротам подходит, вылетает она из будки и с негодующими криками и бросается на чужака...

А Кузя лежит и ухом не ведёт, отдыхает...

Любовь, говорят, зла... Эта пословица не претерпела изменений. Вот только яиц наша гусыня больше не несёт...

СОЛОВЬИ ПОЮТ

В одной деревне спрятался я от дождя под застреху первого попавшегося дома. Гроза уходила. На западе играли отсветы закатившегося солнца, с крыш потоком лилась вода, в саду пели птицы, а у открытого окна мечтательно сидела древняя старушка.

– Сколько вам лет, бабуля? – спросил я.

– Да уж боле ста... – Охотно ответила она. – Это по паспорту. А в душе у меня... молодые соловьи поют.

– А здоровье не подводит? – поинтересовался я, опуская разговор на землю.

– Здоровье? Хорошее. Только вот иной раз словно на глазах какая слеза набегаёт. Нитку в иголку трудно попадать...

Тут в окне появилась молодуха.

– Да наша бабушка всем нам сто очков вперёд даст, – бойко заговорила она.

– Ныне пять вёдер ягод набрала, сенокосила да загребала, а в бане против её никто не усидит...

– Здоровье хорошее, – повторила бабушка. – Да только вот... не хочу века чужого занимать.

ЗДРАВСТВУЙ, НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА!

Всю зиму живу у сына в городе на девятом этаже, как птичка какая! Ногой земли не коснусь, живого слова не услышу. Все слова-то у них какие-то мёртвые.

А как солнышко припечёт, не даю спуску своим: домой – и вся недолга. А приеду в родную деревню, так мне каждая ёлочка, каждая берёзка поклонится:

– Здравствуй, Наталья Петровна!

НЕ ПО СЕРДЦУ

...Сорок с лишним ульев у гармониста, бывшего гармонного мастера Анатолия Птицина. И сборы мёда хорошие. Едва я на порог, как тут же пироги на стол, и полная миска свежего, можно сказать ещё горячего мёда. В дорогу несёт трёхлитровку мёда. Сунулся я было с деньгами, он даже в лице переменялся.

– Да что ты, – говорю, – пригодятся тебе деньги-то.

– Не могу, – отвечает, – продавать. Не по сердцу мне это. Повёз как-то бидон с мёдом на рынок в Вологду торговать, думал, со стыда сгорю. Рад был под землю провалиться. Да потом ещё неделю в поту просыпался, всё снилось, что на базаре мёдом торгую.

Вот и в гармонию я бы никогда за деньги не стал бы играть. Так слушайте!